

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 801.651

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-152

EDN: RASMFG

**Специфика эвфонии рождественской сказки Э. Т. А. Гофмана
«Щелкунчик и мышинный король»**

Ирина Алексеевна Шипова

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Московский педагогический государственный университет. 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1
schipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

Аннотация. Статья посвящена анализу фоностилистических приемов в одном из самых известных текстов Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», что обусловлено их частотностью в нем и их разнообразием, влияющим на образность произведения и его воздействие на читателя-слушателя. Целью исследования является определение специфики эвфонии в анализируемом тексте, обусловленной особенностями жанра детской литературной сказки, с одной стороны, и эпохой ее создания, и своеобразием идиостиля автора, с другой. В результате анализа были сделаны следующие выводы: писатель использовал разнообразные элементы ономапии в виде звукоподражательных междометий как конвенционального типа, так и собственные окказионализмы, которые стали частью словарного состава тех языков, на которые сказка была переведена. Широкое использование звуко-символических элементов позволило автору придать тексту яркую наглядность. Буквенные сочетания, воспринимаемые зрительно и акустически, позволяют слышать текст внутренним слухом. В процессе повествования Гофман представляет два мира: мир людей, достоверно передающий быт немецкой семьи в первой четверти XIX века, где фоностилистические приемы почти не представлены, и волшебный мир, в котором ожившие куклы вступают в противоборство с мышами. И те, и другие описаны как некое подобие человеческого общества с той же монархической системой управления и правилами почитания и подчинения. Звукопись в этом мире позволяет при чтении текста «слышать» бой часов, стрельбу из пушек, ритмически ощущать передвижение персонажей в пространстве описываемой истории. Такая образность и акустическое правдоподобие создаются благодаря умению писателя передать звуки живой и неживой природы, стирая грань между ними. Яркие фоностилистические приемы способствуют эффекту эмоционального воздействия на реципиента, усиливают художественную выразительность и формируют образы героев благодаря искусству звуко-символической номинации.

Ключевые слова: фоностилистический прием; ономапоия; звуко-символизм; аллитерация; ассонанс; анафора; эпифора; геминация; гомеотелевт

Для цитирования: Шипова И. А. Специфика эвфонии рождественской сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 152–162. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-152>. <https://elibrary.ru/RASMFG>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

The specificity of the euphony of E. T. A.'s christmas tale Hoffmann «The Nutcracker and the Mouse King»

Irina A. Shipova

Doctor of philological sciences, professor at the department of the german language, Moscow pedagogical state university. 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1
schipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

Abstract. The article analyzes phonostylistic techniques in one of the most famous E. T. A. Hoffmann's texts «The Nutcracker and the Mouse King», which is explained by their frequent use and their diversity, affecting the imagery of the work and its impact on the reader-listener. The aim of the study is to determine the specificity of euphony in the literary text, caused by the genre features of a children's fairy tale, on the one hand, and the time of its creation, and the writer's original idiosyncrasy, on the other hand. As a result of the analysis the following conclusions were made: the writer used various elements of onomatopoeia in the form of onomatopoeic interjections of both conventional type and his own occasional words, which became part of the vocabulary in the languages the tale was translated into. The extensive use of sound-symbolic elements helped the writer to make the text vividly illustrative. Letter combinations, perceived both visually and acoustically, make it possible to hear the text with your inner ear. In the course of the narrative, Hoffmann shows two worlds: the world of people, accurately depicting the everyday life of a German family in the first quarter of XIX century, with hardly any phonostylistic techniques, and a magical world in which dolls come to life and confront mice. Both are described as a kind of human society with the same governing monarchical system and rules of reverence and subordination. Sounds in this world allow the reader to «hear» the clocks chiming, cannons firing, to feel the movement of characters in the space of the story. Such imagery and acoustic verisimilitude are created by the writer's skills in conveying the sounds of animate and inanimate nature, blurring the line between them. Vivid phonostylistic techniques contribute to the effect of emotional impact on the recipient, enhance artistic expressiveness and form the characters' images thanks to the art of sound-symbolic nomination.

Key words: phonostylistic technique; onomatopoeia; sound symbolism; alliteration; assonance; anaphora; epiphora; gemination; homeoethelict

For citation: Shipova I. A. The specificity of the euphony of E. T. A.'s christmas tale Hoffmann «The Nutcracker and the Mouse King». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):152–162. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-152>. <https://elibrary.ru/RASMFG>

Введение

В лингвистических исследованиях последних десятилетий фоностилистике уделяется мало внимания, что обусловлено приоритетами нового времени. Однако нельзя забывать, что в художественном тексте, который никогда не потеряет своей актуальности, фоностилистическая сторона играет важную роль, поскольку в ней в значительной степени реализуется одна из важнейших и самых загадочных функций искусства литературного творчества – эстетическая [Kotin, 2011, с. 235].

Способность текста передавать звуковую сторону изображаемого нельзя недооценивать, а то, что произведений, способных в полной мере ее реализовать, не так и много, мотивирует исследовать их тщательно и всесторонне. Такие свойства наиболее ярко проявляются в жанрах детской литературы, которые ориентированы на особенности детского восприятия [Орлова, 2017, с. 695]. Эвфония как насыщение текста фоностилистическими приемами в виде подбора выразительных звуко сочетаний определяет особенности формальной стороны данных жанров и вписывается в систему литературных конвенций, принятых в соответствующей литературной или фольклорной традиции [Орлова, 2017, с. 695].

При восприятии письменного текста, в котором слова приобретают функциональную специфичность акустической мотивированности, подключается дополнительный канал получения ин-

формации в виде звукообразов. Такой текст можно рассматривать как один из вариантов мультикодовости, если трактовать её в широком смысле слова как явление, в котором происходит сочетание стандартного речевого кода с элементами субкодов, выделяющихся на общем фоне текста, воспринимаемых не только визуально в виде слов, но и акустически, поскольку они озвучиваются внутренним слухом. С точки зрения психолингвистики в этом случае слово в тексте воспринимается и как чистый звук, и как чистая буква [Журавлев, 1991, с. 12], то есть в двух модальностях: аудиальной и визуальной.

При чтении звуковые комплексы порождают ряд образных ассоциаций и обеспечивают так называемое «выдвижение» на фоне немаркированных элементов текста [Арнольд, 2009, с. 62–63]. Ю. М. Лотман указывал на то, что таким образом эти явления становятся структурно активными [Лотман, 1996, с. 71], а значит, отражающими важные для содержания произведения смыслы через художественно-литературный характер речи с использованием словообразовательных возможностей языка на уровне фонетической стороны выражения. Таким образом, они взаимодействуют не только с семантико-прагматическими, но и с синтаксическими и жанровыми параметрами текста [Орлова, 2017, с. 695].

Литературная сказка – тип текста, в котором фоностилистические приемы выступают не как случайное явление, а как некая специализирован-

ная система, имеющая ряд функциональных признаков. Реализация ритмических особенностей эвфонии в текстах сказок определяет своеобразие стратегий эмотивного, художественного и функционального воздействия [Сюй, Агеева, 2020, с. 135]. Они несут в себе не только потенциал яркой языковой выразительности, но и свой функциональный смысл, что делает их одним из типичных приемов жанра. Такие элементы определяют эвфонию художественной речи в целом и отражают соответствующую настроению сообщения фонетическую организацию высказываний [Арнольд, 2009, с. 75].

Хотя в этой области исследования отечественными и зарубежными лингвистами накоплен большой опыт, анализ текста конкретного произведения всегда представляет интерес, поскольку с его помощью определяются и имеющихся в нем фоностилистические средства, и достигаемый с их помощью прагматический эффект. В данной публикации мы рассматриваем известный текст Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», чтобы всесторонне показать, каковы особенности его звукописи как фонетической игры и в чем смысл её использования.

Методы исследования

При анализе фоностилистических приемов названного текста были использованы методы, позволяющие определить компонентный и контекстуальный состав элементов фоностилистики. Описательный метод позволил представить материал как средство воздействия на реципиента, обладающий прагматическим потенциалом вызывать ассоциативные ряды для порождения особых смыслов повествования. Описательный метод дал возможность отразить специфику идиостиля автора в плане звукописи в соответствии с эпохой создания произведения и творческого метода писателя. Метод лингвистической интерпретации, несмотря на некоторую субъективность в подходе к анализируемому материалу, вскрывает специфику фоностилистических элементов, порождающих впечатление звучащего текста, чтение которого актуализирует восприятие отдельных фрагментов текста как целостного комплекса звукообразов.

Результаты исследования

Традиционно фоностилистические средства принято подразделять на звукоподражательные и звуко-символические. Первые связаны непосред-

ственно со звукоподражанием (ономатопеей), вторые передают признаки объекта с помощью фонетических средств, создавая нужный автору мелодический эффект [Баймухаметова и др., 2019, с. 448]. И те, и другие явления наблюдаются в тексте Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», что делает его ярким, насыщенным выразительными образами и экспрессией при передаче происходящих событий и переживаемых чувств.

В немецкоязычной художественной литературе текст известного произведения Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» (1816) занимает особое место. Он представляет собой некоторое смешение жанров: с одной стороны, перед нами литературная сказка, но с другой – художественная проза с дополнительным комментарием «рассказ». Эта история производит впечатление как на детей, для которых она, в первую очередь, предназначена, так и на взрослых [Макаревич, 2021, с. 580]. И то, что до сих пор варианты все новых её интерпретаций в виде спектаклей, фильмов, мультфильмов и просто картин и картинок появляются, однозначное тому подтверждение.

В Германии литературная сказка получила особое распространение в эпоху немецкого романтизма в конце XVIII и примерно в первой четверти XIX вв., о чем свидетельствуют произведения такого рода в творчестве немецких писателей В. Гауффа, Йоз. Эйхендорфа, Л. Тика, и др. Представители этого направления сосредоточили свое внимание на природе, которая получает в их произведениях фантастическую окраску, с одной стороны, но требует правдоподобия и естественности в ее описании, с другой. Поэтому сказочное и волшебное в их текстах соединяется с реально-бытовым [Курдина, 2021, с. 16].

Романтики активно изучали народное творчество, в котором был представлен особый мир простого человека, нашедшего свое отражение в жанре сказки. Памятником немецкой народной сказки стал вышедший в этот период сборник «Детских и домашних сказок» братьев Гримм (1812–1815), и поскольку большинство из них имело схожие элементы, они были выделены в отдельный поджанр немецкой литературной сказки [Бободжанова, 2020, с. 113], называемый «гриммовским жанром» («Gattung Grimm») [Силин, 2021, с. 113].

Один из видных представителей романтического направления, прекрасно владевший приемами создания сказочной атмосферы в прозе, был Эрнст Теодор Амадей Гофман. Он владел искус-

ством эвфонии, что можно наблюдать во многих его текстах, но знаменитой рождественской сказке принадлежит в этом смысле особая роль.

При чтении сказки «Щелкунчик и мышинный король» бросается в глаза большое количество фоностилистических элементов, характеризующих ее звукопись как своеобразный комплекс средств, усиливающих звуковую образность речи [Шипова, 2023, с. 109]. Читатель невольно обращает свое внимание на появление различных буквенных сочетаний, обозначающих повторяющиеся, перекликающиеся или контрастирующие друг с другом звуки, так как они, так или иначе, выделяются на общем фоне письма.

Ономатопы в сказке, как правило, передают различные звуки действий живой и неживой природы, например, имитируют бой часов, плеск воды, движение бегущих ног, стрельбу и т. п. Обычно это традиционные звукоподражательные междометия, которые могут быть как конвенционально используемыми в национально-культурном языковом сообществе (*bum bum; hopp hopp; kling klang*), так и окказионализмы – квазилексемы, морфологический статус которых плохо осозан для носителя языка [Орлова, 2017, с. 698], но благодаря контексту повествования он становится однозначным (*klirr – klirr; purr purr – rum rum*).

Звукосимволические средства часто также воспринимаются как звукоподражательные, хотя это обусловлено не целью звукоподражания, а наличием в них таких звукобуквенных сочетаний, которые вызывают определенные акустические ассоциации. Это, к примеру, глаголы движения (*trottieren – топтать при ходьбе, galoppieren – скакать, двигаться галопом*), передачи определенных видов речи (*wispern – шушукать, flüstern – шептать, rascheln – шелестеть / шептать*), воспроизведения звуков (*schnurren – жужжать / мурлыкать, Kichern – хихиканье, piepen / quieken – тицать*) и т. п.

Рассказ-сказку Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» можно «слышать», даже не читая его вслух, поскольку фоностилистические средства способствуют здесь созданию звукообразов и выступают стилиобразующим признаком жанра. Подтверждением этому служит то, что Гофман, часто использующий в своих произведениях обращение – читатель (*Leser*), в этой сказке вводит вариацию – читатель / слушатель: *Ich wende mich an dich selbst, sehr geneigter Leser oder Zuhörer* (Здесь я обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель...), которую использует трижды. Пять раз обращение «читатель» игнори-

руется вовсе, и автор остается со своим «слушателем». С одной стороны, эту номинацию можно объяснить спецификой аудитории – это дети, не умеющие читать, но с другой стороны, каждый раз, когда используется слово слушатель, автор включает в текст звукоподражательные элементы, давая понять, что звук важен как значимый элемент повествования.

Благодаря богатству фоностилистических приемов перед читателем возникают целые картины, воспроизводимые в звуках и звукообразах. В тексте Гофмана этот эффект усиливается еще и ритмическим рисунком, благодаря которому звуковое оформление способствует образованию и развитию особого прозаического ритма, «обогащенного взаимодействием чувственного и образного начал» [Бойчук, 2019, с. 9].

Как всё у Э.Т.А. Гофмана, рождественская сказка воспринимается неоднозначно: в ней изображены два мира, в одном из которых живут обычные люди своей повседневной жизнью, а в другом описывается волшебный мир кукол, где они оживают, а слова в нем становятся звучащими.

Предвестником волшебных событий, происходящих с героиней сказки семилетней Мари Штальбаум и ее куклами, становятся настенные часы, будто бы говорящие человеческими голосами или жужжащие и хрипящие что-то неопределенное:

(1) *da fing es an leise – leise zu wispern und zu flüstern und zu rascheln ringsherum, ... Die Wanduhr schnurrte dazwischen lauter und lauter, aber sie konnte nicht schlagen. ... Und stärker schnurrte es mit vernehmlichen Worten: «Uhr, Uhre, Uhre, Uhren, müsst alle nur leise schnurren, leise schnurren. – Mausekönig hat ja wohl ein feines Ohr – purr purr – pumpumsingt nur, singt ihm altes Liedlein vor – purr purr – pumpum schlag an, Glöcklein, schlag an, bald ist es um ihn getan!» Und pum pum ging es ganz dumpf und heiser zwölfmal!* [Hoffmann] – (...как вдруг... началось тихое-тихое шушуканье, перешептыванье и шуршанье. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. ... А часы хрипели громче и громче, ...: «Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко так! Слышит все король мышинный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напей старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!» И... «бим-бом, бим-бом!» – часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов) [Гофман].

Мелодичное слово **Uhr** (часы) в (1) благодаря четырехкратному вариативному повтору, произ-

водит эффект мерно работающего механизма, создаваемого с помощью ассонанса звука [u:] (**Uhr, Uhre, Uhre, Uhren**). Повторы слов с ассонансом [u] и аллитерацией [p], [r] и [m] в (**purr purr – pum pum**), а также аллитерации [l] в (*lauter und lauter*), [l] и [ʃ] в (*leise schnurren, leise schnurren*) имитируют шепот, то ли убаюкивая девочку, то ли ее пугая.

Подаренный Мари на Рождество Щелкунчик – кукла, способная разгрызть самые крепкие орехи, ломается из-за дурного обращения с ней брата девочки Фрица. Поздним вечером она укладывает любимца в кровать своей самой красивой куклы Клерхен, и в полночь, не успев уйти к себе в спальню, Мари становится свидетельницей и участницей битвы кукол во главе со Щелкунчиком против мышей, которыми руководит мышиный король.

Так автор передает появление мышей, звук движения маленьких лапок и рассыпающейся стены:

(2) Aber da ging ein tolles Kichern und Gepfeife los rundumher, und bald *trottierte* und lief es hinter den Wänden wie mit tausend kleinen Füßchen und tausend kleine *Lichterchen* blickten aus den Ritzen der Dielen. ... Bald ging es **trott – trott – hopp hopp** in der Stube umher – *immer lichtere und dichtere* Haufen Mäuse *galoppierten* hin und her... *dicht dicht* vor ihren Füßen sprühte es wie von unterirdischer Gewalt getrieben, Sand und Kalk und *zerbröckelte* Mauersteine hervor [Hoffmann]. (Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошли беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. ... Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища; ... к самым ногам ее, словно от подземного толчка, дождем посыпались песок, известка и осколки кирпича...) [Гофман].

Кроме ономотопеи (**purr purr – pum pum; trott – trott – hopp hopp**) и звукоимитивности слов *schnurren, zerbröckeln* и др. писатель использует и средства звукописи: аллитерацию, ассонанс, анафору, эпифору, разного рода звуковые повторы и рифмы, которые мы наблюдаем в примерах (1) и (2).

В (2) ассонанс создается с помощью повторов гласного [o] в группах звукоподражательных слов – **trott** и **hopp** и геминии – контактного повтора слов, слогов и звуков [Хазагеров, 2009, с. 242]: **trott – trott – hopp hopp, dicht dicht**. Щелевой звук [ç] в двух диминутивах (*Füßchen; Lichtchen*) способствуют нарастанию напряжения, создают особый текстуритм при яркой образности описываемого.

Кроме того, в (2) возникает редупликация как дублирование звукового комплекса для выражения интенсивности действия, актуализирующая в данном случае корреляцию между формой и содержанием обозначаемого [Федяева, 2008, с. 470]. Это фонеморфологическое явление рассматривается как распространенный способ звукоподражания во многих языках мира [Körtvélyessy, 2024], который обладает ярким стилистическим потенциалом, что иллюстрируется не только в (2), но и в других примерах.

Отметим, что в этом тексте Гофман часто мастерски использует гомеотелевт – синтаксическую фигуру, являющуюся одним из видов повтора и представляющую собой эстетически мотивированный ряд однородных членов предложения, то есть набор слов одной грамматической категории с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами [Толстоус, 2009, с. 226].

Фрагмент (3) представляет еще один вариант ономотопов, созданных Гофманом с помощью имитации звука бьющегося стекла и эпифоры – повтора части предложения в конце следующих друг за другом групп слов [Нефедова, 2008, с. 56]:

(3) Vor Angst und Grauen hatte Marien das Herz schon so *gepocht*, ... da ging es **klirr – klirr – prr** und in Scherben fiel die Glasscheibe des Schrankes herab, die sie mit dem Ellbogen eingestoßen. Sie fühlte wohl in dem Augenblick einen recht stechenden Schmerz am linken Arm, ... Dicht hinter Marien fing es an im Schrank auf seltsame Weise zu rumoren und ganz feine Stimmchen fingen an: «Aufgewacht – aufgewacht – wolln zur Schlacht – noch diese Nacht – aufgewacht – auf zur Schlacht». – ... Mit einemmal erhob sich jetzt Nussknacker, ..., indem er laut rief: «**Knack – knack – knack** – dummes Mausepack – dummer toller Schnack – Mausepack – **Knack – Knack** – Mausepack – **Krick und Krack** – wahrer Schnack» [Hoffmann]. (От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце ... но тут вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. – и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке ... У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум, и зазвенели тоненькие головочки: «Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед! ... Вдруг поднялся Щелкунчик, ...громко крикнул: «Щелк-шелк-шелк, глупый мыший полк! То-то будет толк, мыший полк! Щёлк-щёлк,

мыший полк – прёт из щёлк – выйдет толк!) [Гофман].

Эпифоры (*Aufgewacht – aufgewacht / Schlacht / Nacht / – aufgewacht – auf zur Schlacht*) перекликаются со звукоподражательным междометием **knack** и звуко-символическим существительным **Schnack** (щелчок). Очевидно, что кроме эпифор здесь подключается и гомеотелев как способ акустического изображения Щелкунчика – быстрого и отважного воина. Его образ нарисован с помощью звукового ряда, перекликающегося с его именем: **Nussknacker**.

В результате реципиент ощущает тот ритм текста, который, будучи созданным с помощью однородных членов предложения, сопровождающихся интонацией перечисления нескольких синтаксических элементов [Бойчук, Джонсон, 2019, с. 115], влияет на образность описания, порождает напряжение в ожидании того, как будет развиваться действие.

Далее наглядно представлена битва мышей и кукол в (4) и (5), в которой важную роль играют пушки Фрица, стреляющие «круглыми пряничками». Автор варьирует звук, имитирующий падающие снаряды: это междометия **bum bum** и существительные **Pum – Pum – Pum** и **Prr – Prr, Prr**.

Заметим, что вопрос частеречной грамматической характеристики звукоподражательных элементов в принципе сложен, поскольку ономотопея, по словам Х. Виссеманна, возникает внезапно из ничего, ее звуковой образ непонятно как связан с исторической традицией, не имеет сходства с тем, что встречалось ранее, и сложно определить, как она подражает какому-то звуку или шуму, но такие слова воспринимаются и «переживаются» как звук или шум [ср. Wissemann, 1954, s. 8].

(4) ...und bald ging es **bum bum** ... Vorzüglich tat ihnen aber eine schwere Batterie viel Schaden, die auf Mamas Fußbank aufgefahen war und **Pum – Pum – Pum**, immer hintereinander fort Pfeffernüsse unter die Mäuse schoss, ... Die Mäuse kamen aber doch immer näher und überrannten sogar einige Kanonen, aber da ging es **Prr – Prr, Prr**, und vor Rauch und Staub konnte Marie kaum sehen, was nun geschah [Hoffmann]. (Все пушки Фрица) ... пошли бухать: бум-бум!.. ... Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и – бум-бум! – непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей... Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум и

грохот – трр-трр! – и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит [Гофман].

Во фрагменте (5) к звукоподражанию междометий **Prr – Puff** и **Bum, Burum** добавляется существительное **Schnetterdeng**, не имеющее конкретного денотата. Это слово используется только для передачи грохота стрельбы из пушек. В немецкоязычной литературе 19 в. оно появляется в некоторых текстах (например, Nargen-Turney – 1843 [Pretsch, 1995, s. 37]), а в переводе воспроизводит русский ономотоп «трах-тарарах».

(5) Das ging – **Prr – Prr – Puff, Piff – Schnetterdeng – Schnetterdeng – Bum, Burum, Bum – Burum – Bum** – durcheinander und dabei quiekten und schrien Mausekönig und Mäuse, und dann hörte man wieder Nussknackers gewaltige Stimme, wie er nützliche Befehle austeilte und sah ihn, wie er über die im Feuer stehenden Bataillone hinwegschritt! [Hoffmann]. (Раз за разом бухали пушки: прр-прр!.. Др-др!.. Трах-тарарах-трах-тарарах!.. Бум-бурум-бум-бурум-бум!.. И тут же пищали и визжали мышиный король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны) [Гофман].

Звукопись остается средством наглядности и в продолжении истории: битва проиграна куклами, потому что их силы не могут противостоять бесчисленным мышам, Мари удается распугать их, кинув в мышиного короля башмачком, но разбив стекло шкафа с игрушками и поранив левую руку, девочка теряет сознание и не знает, что происходило дальше.

Имитация того, как падает на пол разбитое стекло, изображается звукоподражательными междометиями **klirr – klirr – prr** во фрагменте (3). Аллитерация согласных звуков [к], [г] и [л] и ассонанс краткого [л] живо передают звук разлетающихся осколков. При этом стирается грань между живым и неживым, сферы предметности и одушевленности как бы сливаются воедино. Так, крестный Дроссельмейер, мастер на все руки и мистификатор, сделавший Щелкунчика, время от времени меняет свой облик и становится похожим на марионетку, что пугает девочку.

(6) Aber der Pate Droselmeier schnitt sehr seltsame Gesichter, und sprach mit *schnarrender*, eintöniger Stimme: «Perpendikel musste *schnurren* – picken – wollte sich nicht schicken – **Uhren – Uhren – Uhren**perpendikel müssen *schnurren* – leise *schnurren* – schlagen Glocken laut **kling klang – Hink und**

Honk, und Honk und Hank – Puppenmädel sei nicht bang! – schlagen Glöcklein, ist geschlagen, Mausekönig fortzujagen, kommt die Eul im schnellen Flug – **Pak und Pik, und Pik und Puk** – Glöcklein **bim bim** – Uhren – **schnurr schnurr** – Perpendikel müssen *schnurren* – picken wollte sich nicht schicken – **Schnarr und schnurr, und pirr und purr!**» [Hoffmann]. (Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом: «Ходит маятник со скрипом. Меньше стука – вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом! – подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышшей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука – вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!») [Гофман].

Фрагмент (6) иллюстрирует не только способность Гофмана создавать удивительную игру звукообразов, к нему добавляется рифма, завораживающая, убаюкивающая мелодия колдовства, которым владеет загадочный крестный.

Существительное *Perpendikel* (маятник) в (6) воспринимается как звуко-символическое, и оно входит в немецкоязычный словарный состав. Однако в тексте сказки возникают слова, подобные ему по своему звучанию. Это креативные «изобретения» автора, которым тоже свойственен особый Гофмановский звуко-символизм. Такими можно назвать окказионализмы, появляющиеся в дополнении к истории Мари – сказке, рассказанной Дроссельмейером. Это некий прием текста в тексте, который вносит ясность в причины противостояния двух царств – кукольного и мышшиного: несчастная королева Мышильда (*Frau Mauserinks*) потеряла почти всех своих родичей, потому что вместе с ними ела сало, предназначенное для королевского пира. В отместку она заколдовала принцессу Перлипат (*Perlifat*), сделав ее уродливой. Спасти положение может орех Кракатук (*Nuss Krakatuk*), преодолеть твердость которого дано только юноше, обладающему исключительными качествами.

Удивительные номинации, созданные благодаря особому таланту Э.Т.А. Гофмана слушать и слышать слова, представляют читателю-слушателю образы странной мышшиной королевы *Mauserinks*, имя которой не предвещает опасности или агрессии, непоследовательной и капризной принцессы *Perlifat*, где в сочетании согласных уже слышится противоречие, и наконец, ореха

Nuss Krakatuk, который не поддается никаким усилиям его разбить, потому что само его название символизирует его твердость из-за трехкратного [k]. Эти окказионализмы вошли в языки разных стран и стали их частью через сказку о Щелкунчике. Хотя они не имеют акустического денотата, они несут в себе ту образность, которая заставляет услышать и увидеть изображаемое.

Орех Кракатук найден в Нюрнберге:

(7) Während dieser Erzählung hatte Christoph Zacharias oftmals mit den Fingern *geschnippt* – ... – mit der Zunge *geschnalzt* – dann gerufen – **Hm hm – I – Ei – O** – das wäre der Teufel! – Endlich warf er Mütze und Perücke in die Höhe, umhalste den Vetter mit Heftigkeit und rief: ‚Vetter – Vetter! Ihr seid *geborgen, geborgen* seid Ihr, sag ich, denn alles müsste mich trügen, oder ich besitze selbst die **Nuss Krakatuk** [Hoffmann]. ‘Во время рассказа Кристоф Захариус не раз прищелкивал пальцами, ... причмокивал губами и приговаривал: «Гм, гм! Эге! Вот так штука!» Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул: «Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!» [Гофман].

В примере (7) мы находим цепь восклицаний – междометий **Hm hm – I – Ei – O**, они всегда и во всех текстах выражают эмоциональное состояние говорящего. В основе их использования лежит сходство звуковой реакции человека на удивление, восторг, радость или отчаяние. Гофман следует здесь традиции своего времени, поскольку в эпоху немецкого романтизма междометия были необъемлемой частью любого повествования, в содержании которого описывались чувства и переживания людей. Особенность этого примера в цепочке из пяти междометий, что порождает эффект возрастания эмоционального напряжения.

Как мы знаем, племянник крестного, молодой Дроссельмейер смог расколоть орех, расколдовал Перлипат, но стал по воле Мышильды Щелкунчиком и таким же безобразным, какой некогда была принцесса. Щелкунчик убивает мышшину королеву. Сцена смерти Мышильды (8) сопровождается ономотопами-междометиями: **hi hi – pi pi**. Этот писк мышши вызывает сострадание, чему способствуют также диминутивы *Söhnlein* – *Nussknackerlein*, которые рифмуются, создавая впечатление взаимосвязи двух противоборствующих сторон. Добавим, что согласно С. Швайгер, А. Барбаресси и др. [Schwaiger, 2019, s. 150] уменьшительные суф-

фиксы при присоединении к существительному производят прагматический эффект восприятия предмета или существа как чего-либо маленького и милого (*kleines und niedliches X*).

(8) Aber indem Frau Mauserinks von der Todesnot erfasst wurde, da *piepte* und *quiekte* sie ganz erbärmlich: ‚O Krakatuk, harte **Nuss** an der ich nun sterben **muss** – **hi hi** – **pipi** fein Nussknacker ein wirst auch bald des Todes sein – **Söhnlein** mit den sieben Kronen, wird’s dem Nussknacker lohnen, wird die Mutter rächen fein, an dir du klein Nussknackerlein – o Leben so frisch und rot, von dir scheid ich, o Todesnot! – **Quiek** [Hoffmann]. («О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук! Хи-хи... Пи-пи... Но, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец: мой сынок, король мышиный, не простит моей кончины – отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла – и смерть за мною пришла... Квик!») [Гофман].

Заключительный возглас королевы мышей **Quiek** (писк) завершает ее речь обращением к жизни и смерти, которое наполнено драматическим пафосом, более уместным в высказывании человека и дополняемым междометиями «О!». При этом возникает комический эффект, потому что «злая и коварная» Мышильда благодаря искусной фонетической игре становится беспомощной и преисполненной отчаяния, но в виде невыразительного возгласа **Quiek**, то есть безобидного писка.

В заключительной части истории Щелкунчик в образе прекрасного молодого человека ведет девочку в кукольное царство, она видит чудесные картины волшебной жизни, также наполненной таинственными звуками. И здесь автор снова проявляет всю свою изобретательность, заставляя комариков, рыбок, лебедей и золотую птицу производить звуки, похожие на пение в унисон, о красоте вод с розовыми волнами, где царствует прекрасная фея.

(9) Die beiden goldschuppigen Delphine erhoben ihre Nüstern und spritzten kristallene Strahlen hoch in die Höhe, und wie die in flimmernden und funkelnenden Bogen niederfielen, da war es, als sängen zwei holde feine Silberstimmchen: «Wer schwimmt auf rosigem See? – die *Fee!* *Mücklein!* **bim bim** *Fischlein*, **sim sim** – *Schwäne!* **Schwa schwa**, Goldvogel! **tra rah**, Wellenströme – rührt euch, *linget*, *singet*, *wehet*, *spähet* – *Feelein*, *Feelein* kommt gezogen; Rosenwogen, *wühlet*, *kühlet*, *spület*, *spült hinan* – *hinan!*» [Hoffmann]. (Золоточешуйчатые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи

ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоса: «Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, ду-ду-ду! Рыбки, плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея, – к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись – к солнцу, ввысь!») [Гофман].

Все звукоподражательные элементы в фрагменте (9) (**bim bim**; **sim sim**; **Schwa schwa**; **tra rah**) гармонизированы параллелизмом двух групп глагольных сказуемых, которые объединяет мелодичность одинаковой формы императива 2 л. мн. ч.: *linget*, *singet*, *wehet*, *spähet* / *wühlet*, *kühlet*, *spület*. Излюбленный гомеотелев Гофманна (здесь: архаично звучащий суффикс императивной формы -et) создает звуко-символизм, вызывающий ассоциации с волнообразным движением по воде.

Картина дополняется контрастным изображением арапчат в (10), которые трясут своими зонтиками с характерным звуком **Klapp und klapp und klapp und klapp, auf und ab**.

(10) ... – Aber die zwölf kleinen Mohren, ...schüttelten ihre Sonnenschirme so sehr, dass die Dattelblätter, aus denen sie geformt waren, durcheinander *knitterten und knatterten*, und dabei stampften sie mit den Füßen einen ganz seltsamen Takt, und sangen: «**Klapp und klapp und klapp und klapp, auf und ab** – Mohrenreigen darf nicht schweigen; rührt euch Fische – rührt euch Schwäne, dröhne Muschelwagen, dröhne, **klapp und klapp und klapp und klapp und auf und ab!**» [Hoffmann]. (Но двенадцать арапчат ...так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых те были сплетены, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели: «Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки – на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп!») [Гофман].

Предлоги **auf** и **ab** в (10) естественно вписываются в ряд звукоподражательных междометий, дополняя их семантикой своего значения (здесь: вперед – назад). В результате мир кукольной страны не только описывается, он еще и звучит на разные лады, возбуждая фантазию читающих / слушающих сказку Э.Т.А. Гофмана.

Реальность и фантазия переплетаются в истории, и вот Мари просыпается утором в своей постели:

(11) **Prr** – **Puff** ging es! – Marie fiel herab aus unermesslicher Höhe. – Das war ein Ruck! – Aber

gleich schlug sie auch die Augen auf [Hoffmann]. (Та-ра-ра-бух! – и Мари упала с невероятной высоты. Вот это был толчок! Но Мари тут же открыла глаза) [Гофман].

(12) Bei Tische knackte der Artige für die ganze Gesellschaft Nüsse auf, die härtesten widerstanden ihm nicht, mit der rechten Hand steckte er sie in den Mund, mit der linken zog er den Zopf an – **Krak** – zerfiel die Nuss in Stücke! [Hoffmann]. (За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и – щелк! – скорлупа разлеталась на мелкие кусочки) [Гофман].

Финал сказки символичен, Мари падает с высоты своих фантазий с соответствующим звуком **Prr – Puff** (11), а юноша Дроссельмейр продолжает колоть орехи с все тем же звуком **Krak**. Сказка и закончилась, и не закончилась, миры: человеческий и кукольный – сошлись в реальности и не сошлись. Но интерпретировать содержание и смысл этого в тексте не входит в задачи данного исследования. В первую очередь, это опыт обобщения фоностилистических приемов в сказке Гофмана, позволяющих сделать текст ярким, наглядным, образным и уникальным, единственным в своем роде.

Все сказанное является свидетельством того, что эстетика Гофмана, заключенная в мастерстве его идиостилия, демонстрирует также глубокую связь с философией искусства, которое предстает удивительным феноменом, вызывающем в субъекте восприятия ... «томление по некоей иной, более высокой и более духовной жизни, чем жизнь обычного человека» [Бычков 2023].

Заключение

Обобщая все сказанное об удивительном тексте Гофмана, который можно слышать, отметим, что в использовании в нем фоностилистических приемов просматриваются определенные закономерности. Во-первых, рассказ-сказка очерчивает границы двух миров. В той части текста, где описывается мир людей, изображение отличается достоверностью описания жизни средней немецкой семьи начала XIX века. В этих сценах почти не просматриваются фоностилистические приемы. Они возникают в той части повествования, где дано описание мира кукол и царства мышей. То, что реальная девочка оказывается участницей сказочных событий, задает новые правила рассказа: действие передается в динамике, их можно

«услышать», вещи говорят с помощью звукописи, картинки благодаря этому оживают.

Во-вторых, два мира противопоставлены друг другу, хотя границы перехода из одного в другой размыты.

В-третьих, фоностилистические приемы позволяют Гофману очертить характеры своих героев: Щелкунчик – храбрый, энергичный и сильный, его звук – К. Принцесса Перлипат склонна к перепадам настроения, непоследовательна и противоречива, что вскрывает сочетание пяти согласных в ее имени и контактное расположение звуков [r] и [l].

В-четвертых, загадочный крестный Дроссельмейер – фигура, переходящая из одного мира в другой. Поэтому его звуковой портрет временами ничем не отличается от того, как говорят другие взрослые, а временами состоит из монотонных словосочетаний, где ассонанс [u:] переходит в мелодию скороговорок и заклинаний, что маркирует границу перехода из реальности в сказку.

В-пятых, мир мышей и кукол ярко очерчен, каждый своими звуками, что позволяет читателю независимо от возраста наглядно их себе представить.

Благодаря этим особенностям текст созданного Э.Т.А. Гофманом шедевра можно не только прочесть, но и услышать, и основная роль в этом принадлежит фоностилистическим средствам.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 9-е изд. Москва : Флинта : Наука, 2009. 384 с.
2. Баймухаметова К. И. Фоностилистические языковые средства как способ звуковой организации английского и русского художественного текста / К. И. Баймухаметова, Т. И. Галеева, С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова // Вестник удмуртского университета. Серия: История и филология, 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 447–460.
3. Бободжанова Л. К. Особенности национально-культурной адаптации сказок братьев Гримм при переводе на русский язык // *Litera*. 2020. С. 111–120.
4. Бойчук Е. И. Анализ ритма прозы (на материале французского языка) : монография. Ярославль : Канцлер, 2019. 232 с.
5. Бойчук Е. И. Специфика ритмической структуры испанских прозаических текстов / Е. И. Бойчук, М. А. Джонсон // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. №2 (17) С. 119–129.
6. Бычков В. В. Эстетические воззрения Э.Т.А. Гофмана // *Философия и культура*. 2023. № 2.
7. Гофман Э. Т. А. Щелкунчик и мышиный король. URL:

https://nukadeti.ru/skazki/shhelkunchik_i_myshinyj_korol (дата обращения: 25.12.2023).

8. Журавлев А. П. Звук и смысл. Москва : Просвещение, 1991. 160 с.

9. Курдина Ж. В. История зарубежной литературы XIX века: романтизм : учебное пособие / Ж. В. Курдина, Г. И. Модина. 3-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2021. 206 с.

10. Макаревич Ф. С. Позиционирование сочинений Э. Т. А. Гофмана в современной России на материале коллективных сборников // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Вып. 22. Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых учёных (15–17 апреля 2021 г.). С. 578–581.

11. Лотман М. Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

12. Нефедова Л. А. Фоностилика современного немецкого языка : курс лекций. Москва : МАКС Пресс, 2008. 156 с.

13. Орлова О. Ю. Фоностилистика игра в текстах литературной сказки: Семиотический аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2017. С. 694–702.

14. Суй Ц. Дискурсивная типология сказки (на примере сборника русских сказок А. Н. Афанасьева) / Ц. Суй, Ю. В. Агеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. №2. С. 134–139.

15. Силин С. А. Значение сказок братьев Grimm в изучении немецкого фольклора // Актуальные проблемы культуры современной русской речи : материалы XV Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Армавир, 14 апреля 2021 года). С. 112–115.

16. Толстоус Н. В. Семантическая характеристика гомеотелевта (на материале французской поэзии XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2009 (97). С. 225–231.

17. Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Известия РГПУ им. А.М. Герцена. Санкт-Петербург, 2008. № 33 (73). С. 469–472.

18. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. Москва : Флинта: Наука, 2009. 431 с.

19. Шипова И. А. Звукопись как средство создания образности в литературной сказке (на материале немецкого языка) // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 9-10 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 109–112.

20. Hoffmann E. T. A. Nußknacker und Mausekönig. URL: <https://www.rulit.me/books/nu-read-265716-1.html> (дата обращения: 25.12.2023).

21. Körtvélyessy L., Štekauer P. Onomatopoeia in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2024. 1151 p.

22. Kotin M. L. Zu den Quellen der ästhetischen Sprachfunktion // Die Sprache in Aktion. Pragmatik. Sprechakte. Diskurs. Kotin M., Kotorova E. (Hg) Heidelberg : Uni-Vlg. 2011. S. 235–243.

23. Pretsch P. Geöffnetes Narren-Turney: Geschichte der Karlsruher Fastnacht im Spiegel gesellschaftlicher und politischer Entwicklungen. Karlsruhe : Badania Verlag, 1995. 208 S.

24. Schwaiger S. Diminutivvariation in österreichischen elektronischen Korpora / S. Schwaiger, A. Barbaresi, K. Korecky-Kröll, Jutta & Wolfgang Ransmayr, U. Dressler // Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 45. Dimensions of Linguistic Space: Variation – Multilingualism – Conceptualisations Dimensionen des sprachlichen Raums: Variation – Mehrsprachigkeit – Konzeptualisierung. Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien : Peter Lang, 2019. S. 147–164.

25. Wissemann H. Untersuchungen zur Onomatopöie – sprachwissenschaftliche Versuche / H. Wissemann, H; 1. Teil, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954. S. 241.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk = Stylistics. The modern English language : ucheb. dlja vuzov. 9-e izd. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. 384 s.

2. Bajmuhametova K. I. Fonostilisticheskie jazykovye sredstva kak sposob zvukovoj organizacii anglijskogo i russkogo hudozhestvennogo teksta = Phonostylistic linguistic means as a way of sound organization of English and Russian literary text / K. I. Bajmuhametova, T. I. Galeeva, S. H. Kaziahmedova, E. A. Janova // Vestnik udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija, 2019. T. 29. Vyp. 3. S. 447–460.

3. Bobodzhanova L. K. Osobennosti nacional'no-kul'turnoj adaptacii skazok brat'ev Grimm pri perevode na russkij jazyk = Specifics of national-cultural adaptation of Grimm Brothers' fairy tales in translation into Russian language // Litera. 2020. S. 111–120.

4. Bojchuk E. I. Analiz ritma prozy (na materiale francuzskogo jazyka) = Analyzing the rhythm of prose (on the material of the French language) : monografija. Jaroslavl' : Kancler, 2019. 232 s.

5. Bojchuk E. I. Specifika ritmicheskoj struktury ispanskih prozaicheskikh tekstov = Specific rhythmic structure of Spanish prose texts / E. I. Bojchuk, M. A. Dzhonson // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. No2 (17) S. 119–129.

6. Bychkov V. V. Jesteticheskie vozzrenija Je.T.A. Gofmana = E.T.A. Hoffmann's aesthetic views // Filosofija i kul'tura. 2023. № 2.

7. Gofman Je. T. A. Shhelkunchik i myshinyj korol' = The Nutcracker and the Mouse King. URL: https://nukadeti.ru/skazki/shhelkunchik_i_myshinyj_korol (дата obrashhenija: 25.12.2023).

8. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl = Sound and sense*. Moskva : Prosveshhenie, 1991. 160 s.
9. Kurkina Zh. V. *Istorija zarubezhnoj literatury XIX veka: romantizm = The history of the XIX century foreign literature: Romanticism : uchebnoe posobie / Zh. V. Kurkina, G. I. Modina. 3-e izd., ster.* Moskva : FLINTA, 2021. 206 s.
10. Makarevich F. S. *Pozicionirovanie sochinenij Je. T. A. Gofmana v sovremennoj Rossii na materiale kolektivnyh sbornikov = Positioning of E. T. A. Hoffmann's works in modern Russia on the material of collective editions / Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedenija. Vyp. 22. Sbornik materialov VIII (XXII) Mezhduнародной nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchjonyh (15–17 aprelja 2021 g.).* S. 578–581.
11. Lotman M. Ju. *Vnutri mysljashhij mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history.* Moskva : «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 464 s.
12. Nefedova L. A. *Fonostilistika sovremennoego nemeckogo jazyka = Phonostylistics of the modern German language : kurs lekcij.* Moskva : MAKS Press, 2008. 156 s.
13. Orlova O. Ju. *Fonostilisticheskaja igra v tekstah literaturnoj skazki: Semioticheskij aspekt = Phonostylistic play in literary fairy tales: Semiotic aspect // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika.* Moskva, 2017. S. 694–702.
14. Sjuj C. *Diskursivnaja tipologija skazki (na primere sbornika russkih skazok A. N. Afanas'eva) = Discursive typology of the fairy tale (based on the collection of Russian fairy tales by A. N. Afanasyev) / C. Sjuj, Ju. V. Ageev // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov : Gramota, 2020. №2. S. 134–139.
15. Silin S. A. *Znachenie skazok brat'ev Grimm v izuchenii nemeckogo fol'klora = The importance of the Grimm Brothers' fairy tales for studying German folklore // Aktual'nye problemy kul'tury sovremennoj russkoj rechi : materialy XV Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhduнародnym uchastiem (g. Armavir, 14 aprelja 2021 goda).* S. 112–115.
16. Tolstous N. V. *Semanticheskaja harakteristika go-meotelevta (na materiale francuzskoj poezii XX veka) = Semantic characterization of homeothelict (in French poetry of the XX century) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Sankt-Peterburg, 2009 (97).* S. 225–231.
17. Fedjaeva E. V. *Reduplikacija kak odno iz sredstv reprezentacii neopredelennogo kolichestva = Reduplication as a means of representing an indefinite quantity // Izvestija RGPU im. A.M. Gercena. Sankt-Peterburg, 2008. № 33 (73).* S. 469–472.
18. Hazagerov G. G. *Ritoricheskij slovar' = Rhetorical Dictionary.* Moskva : Flinta: Nauka, 2009. 431 s.
19. Shipova I. A. *Zvukopis' kak sredstvo sozdanija obraznosti v literaturnoj skazke (na materiale nemeckogo jazyka) = Sound as a means of creating imagery in a literary fairy tale (based on the German language) // Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni: sbornik materialov V Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii s mezhduнародnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 9-10 marta 2023 g. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2023.* S. 109–112.
20. Hoffmann E. T. A. *Nußknacker und Mausekönig.* URL: <https://www.rulit.me/books/nu-read-265716-1.html> (data obrashhenija: 25.12.2023).
21. Körtvélyessy L., Štekauer P. *Onomatopoeia in the World's Languages: A Comparative Handbook.* Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2024. 1151 p.
22. Kotin M. L. *Zu den Quellen der ästhetischen Sprachfunktion // Die Sprache in Aktion. Pragmatik. Sprechakte. Diskurs.* Kotin M., Kotorova E. (Hg) Heidelberg : Uni-Vlg. 2011. S. 235–243.
23. Pretsch P. *Geöffnetes Narren-Turney: Geschichte der Karlsruher Fastnacht im Spiegel gesellschaftlicher und politischer Entwicklungen.* Karlsruhe : Badania Verlag, 1995. 208 S.
24. Schwaiger S. *Diminutivvariation in österreichischen elektronischen Korpora / S. Schwaiger, A. Barbaresi, K. Korecky-Kröll, Jutta & Wolfgang Ransmayr, U. Dressler // Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 45. Dimensions of Linguistic Space: Variation – Multilingualism – Conceptualisations Dimensionen des sprachlichen Raums: Variation – Mehrsprachigkeit – Konzeptualisierung.* Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien : Peter Lang, 2019. S. 147–164.
25. Wissemann H. *Untersuchungen zur Onomatopöie – sprachwissenschaftliche Versuche / H. Wissemann, H; 1. Teil,* Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954. S. 241.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 20.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024